

ДАГЕСТАН ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ
С ИРАНОМ И ТУРЦИЕЙ (1814–1829 гг.)

После 1813 г. Северный Кавказ, в том числе и Дагестан, все более становится сферой внутренней политики Российской империи, хотя и оставался ареной острейших международных противоречий.

Шахский Иран не оставлял притязаний на пересмотр Гюлистанского договора. Персию против России подстрекала Англия. Последняя не желала развития российской торговли и влияния в Иране. Лондон стремился превратить Иран в орудие своей колониальной политики на Кавказе. В ноябре 1814 г. английское правительство возобновило союзный договор с шахским двором, обязалось снабжать его субсидиями в случае войны Персии с любой державой, а шах по-прежнему считал своими Грузию, Дагестан и часть Азербайджана, включенные в состав России. Армянский историк А.Р. Иоаннисян правильно отмечал, что «без этого договора вряд ли имела бы место русско-иранская война 1826–1828 гг.» (Иоаннисян А.Р., 1958. С. 434).

Главнокомандующий на Кавказе ген. А.П. Ермолов (1816–1827) в январе 1820 г., указывая на подписанный союзный договор 25 ноября 1814 г. между Великобританией и Персией, подчеркивал: «Сия мера осторожности предпринимается, конечно, против России. Договор имеет тайную цель придать весу требованиям Персии о возвращении отнятых от нее областей...» (АКАК. 1875. С. 222).

Готовясь к новой агрессии на Северо-Восточном Кавказе, шахский Иран и султанская Турция засылали своих агентов с ценными подарками и деньгами для подготовки выступлений местных народов против России. Шах и султан в антироссийских действиях в регионе имели поддержку в лице Сурхай-хана, Ших-Али-хана, грузинского царевича Александра и нескольких антирусски настроенных владетелей (Дубровин Ф., 1887. С. 231). Как известно, Гюлистанский трактат был попыткой разрешить конфликт между столкнувшимися геополитическими интересами Российской империи и Иранской державы, обойдя интересы Дагестана. Народы Дагестана, поняв суть Гюлистанского договора 1813 г., решили продолжить борьбу против дальнейшей колонизации Россией региона. Последующие события в Дагестане показывают, что многие дагестанские владетели не признали договор 1813 г.

Во втором десятилетии XIX в. правители Аварского и Мехтулинского ханств и другие, недовольные активизацией российской политики, изменили свое отношение к России. Выступая против России, они обращались за поддержкой к шахскому Ирану и Османской империи, что давало поводы шаху и султану вмешиваться во внутренние дела Северного Кавказа под предлогом «защиты своих эмиров», которым якобы угрожала опасность со стороны русских (АКАК. 1875. С. 621–624). Однако, несмотря на всеяческие старания шахского Ирана и султанской Турции, им не удалось добиться серьезных осложнений в отношениях России с народами Дагестана. В эти годы между Россией и народами Дагестана в целом имели место мирные отношения, за исключением отдельных антироссийских выступлений. Так, в июне 1813 г. Сурхай-хан Казикумухский выехал в Иран, чтобы просить помощи у шахского правительства для продолжения своей антироссийской борьбы (Джахиев Г.А., 1991. С.17.). Шах обещал ему военную помощь (АКАК. 1875. С. 621–624.). Сурхай-хан в течение 1814–1815 гг. безуспешно пытался овладеть Кюринским ханством. В августе 1815 г. в столкновении с российскими войсками он понес большой урон. Обещанная помощь из Ирана не последовала. Преследуя отступающего Сурхай-хана, российские войска дошли до Казикумуха (АКАК. 1875. С. 608).

В июле 1816 г. Сурхай-хан снова принял российское подданство (АКАК. 1875. С.628–629).

Гасан-Эфенди Алкадари указывал: «Сурхай-хан, не достигший с помощью Персии

своей цели...», поклялся в верности России. «Тем не менее по секрету дал знать своим подчиненным, что его обещания этой державе (России. – Авт.) составляют хитрость и обман, не переставал готовиться к войне с русскими» (*Алкадари Г.-Э.*, 1994. С. 117).

Некоторые владетели Дагестана, такие как Султан-Ахмед-хан Аварский, Гасан-хан Дженгутайский, а также анцухцы и некоторые другие сельские общества не решились на антироссийские выступления (АКАК. 1875. С. 830). Вскоре, как показали дальнейшие события, казикумухский владетель стал одним из руководителей антироссийских выступлений в Дагестане. Одновременно персидский шах использовал Ших-Али-хана Дербентского и грузинского царевича Александра для возбуждения дагестанских владетелей против России. Как позже выяснилось, иранское правительство под видом переговоров об их выезде в Персию устраивало с ними встречи в 1813–1816 гг. для подстрекательства ими дагестанцев против России (АКАК. 1878. С. 113–114). Кроме того, османы также в своих целях использовали пребывание грузинского царевича Александра в Дагестане (АКАК. 1875. С. 819–824). Так, 15 июля 1815 г. ген. Н.Ф. Ртищев сообщал российскому правительству, что Порты «по единоверию своему с дагестанскими народами, не переставая и теперь почитать Дагестан своею собственностью, изыскивает все средства, чтобы поднять народы региона против российских войск и к содействию царевичу Александру» (АКАК. 1875. С. 821–822). Так, в 1818–1815 гг. Порты, воспользовавшись недовольством части населения действиями военной администрации на Кавказе, организовала в Дагестане некоторые беспорядки. Например, дербентский правитель Ших-Али-хан в союзе со своим зятем Абдуллабеком Ерсинским при поддержке некоторых местных беков призывал табасаранцев к открытому выступлению против России. Грузинский царевич Александр приглашал анцухцев и другие сельские общества к набегам в Грузию (АКАК. 1875. С. 377–378).

Они также склонили на свою сторону правителей Аварского и Мехтулинского ханств и некоторых старшин ряда союза сельских обществ. Кроме того, к ним присоединился казикумухский владетель Сурхай-хан. Султанским эмиссарам удалось привлечь на свою сторону некоторых владетелей Дагестана, как и ранее, деньгами и ценными подарками. Так, в марте 1814 г. грузинский царевич Александр выдал правителю Аварии 10 тыс. руб. серебром, чтобы тот завербовал ему ополченцев для нападения на Грузию (АКАК. 1875. С. 381).

Преувеличивая свои успехи в попытке объединения антироссийских войск в регионе, царевич Александр уверял иранского шаха в том, что «все владельцы, сеиды, кази и старшины дагестанских владений, даже и дети в колыбели, суть усердные слуги» повелителя Персии и поэтому для вознаграждения владетелей Дагестана за ожидаемые от них услуги необходимо более 35,5 тыс. руб. (АКАК. 1878. С. 281, 296).

Весной 1815 г. дагестанские владетели, договорившись между собой, решили освободиться от русских Кюринское и Кубинское ханства и организовать нападение на Грузию (Записки А.П. Ермолова. М., 1865. С. 47–49).

В мае этого же года начался сбор ополченцев в Дагестане, а мусульманское духовенство «привод к присяге собираемое войско» (АКАК. 1875. С. 378–379). Следует отметить, что далеко идущие планы их остались не осуществленными. Кюринский владетель Аслан-хан, раскаявшись в своих действиях, вышел из антироссийской коалиции (АКАК. 1875. С. 830). Кроме того, владетель Султан-Ахмед-хан и дженгутаевский Гасан-хан не решились на открытое антироссийское выступление. Анцухцы и другие союзы сельских обществ также вскоре отошли от грузинского царевича Александра. Так и не добившись своей антироссийской цели, царевич Александр в августе 1818 г. сбежал в Порту, а оттуда перебрался в Персию (*Дубровин Н.Ф.*, 1887. С. 113–114).

Таким образом, несмотря на усилия шахского Ирана и султанской Турции, им не удалось в 1814–1817 гг. добиться в Дагестане крупных антироссийских выступлений. Хотя в регионе имели место отдельные выступления против России, но значительная часть дагестанских владетелей не шла на конфронтацию с Россией.

Несмотря на огромное укрепление позиций России в Европе, российское правительство не было готово направить на Северо-Восточный Кавказ крупные военные силы. Финансы страны были расстроены войнами, основная часть армии находилась у западных границ. Кроме того, военных линий в регионе не хватало для распространения на его территории своей административной и военной власти, а отношения России с шахским Ираном и султанской Турцией угрожали в будущем новыми конфликтами. В этих условиях российское правительство решило направить на Кавказ героя Отечественной войны 1812 г. ген. А.П. Ермолова, надеясь, что его опыт поможет упрочить положение России в регионе и избежать новой войны с Персией.

В начале мая 1816 г. ген. Ермолов был назначен главнокомандующим на Кавказе, а в июне – чрезвычайным послом в Иран.

В 1817 г. ген. Ермолов выехал в Персию. В инструкции императора Александра I ему вменялось достичь соглашения о границе по Араксу и мира с шахом. Следует отметить, что миссия Ермолова А.П. не привела к решению споров о границе, но все же он вернулся с уверенностью, что в ближайшее время Персия войну не начнет.

А.П. Ермолов развернул на Кавказе кипучую деятельность. По его предложению российским правительством ему предписывалось отмежевание казакам правого фланга Кавказской линии по 30 дес. земли на душу, а казакам левого фланга линии по Тереку по 50 дес. земли.

Ген. Ермолов разработал также широкий план переноса военной линии с реки Терек до подножия Кавказского хребта и перехода к непосредственному подчинению горских обществ и местных владетелей российской административной власти.

Военно-грузинская дорога была перенесена на левый берег Терека и хорошо защищена (АВПРИ. Ф. СПб. Гл. архив. 1–7. Оп. 8. 1818 г. Д. 2. Л. 1–8; АКАК. 1878. С. 448–499). На строительство военных укреплений и дорог российские власти насильно мобилизовали местное население. Так, при движении колонны ген. Ермолова в ноябре 1819 г. «для очищения дороги к акушинцам» было пригнано более 3 тыс. местных жителей (*Потто В.*, 1887. Вып. 2. С. 47).

Кроме того, население обязано было нести подводную повинность для перевозки различных грузов, почтовую службу и т.п. Были введены также новые таксы на вино, шелк, на использование воды, земли и т.д. (АКАК. 1878. С. 39). Так, кюринцы обязаны были ежегодно вносить в государственную казну 3 тыс. четвертей пшеницы, 3 тыс. руб., а акушинцы 2 тыс. овец и 2 тыс. руб. (АКАК. 1875. С. 160–161; 1878. С. 69). Что эти повинности были непосильны для местного населения признавал и сам ген. Ермолов. Он указывал, что «... с моей стороны, как начальник здешнего края, должен сказать истину, что кюринский народ по бедности своей заплатить сего не может» (АКАК. 1878. С. 8). В то же время следует отметить, что русские власти на Кавказе пророссийски настроенным местным владетелям щедро раздавали чины, звания, земли, деньги. Так, в Дагестане российская администрация всячески поддерживала шамхала Тарковского, Ахмед-хана Кюринского и др. В 1818 г. в Засулакской Кумыкии старший аксаевский князь Муса Хасаев был награжден золотой медалью, усыпанной бриллиантами и с надписью «За усердие», а эндиреевский и костековский владетели – каждый перстнями по 2 тыс. руб. стоимостью (АКАК. 1878. С. 563).

Разумеется, жестокая колониальная политика российских властей на Северном Кавказе, в частности в Дагестане (захват в огромных масштабах территорий, строительство крепостей, ущемление прав и привилегий части местных правителей), вызвала массовое недовольство со стороны местного населения, открытые антироссийские выступления.

Естественно, Персия и Порта поддерживали и всячески подогревали начавшиеся антироссийские, антиколониальные выступления местного населения. В октябре 1817 г. ген. Ермолов в рапорте на имя императора Александра I сообщал, что он, будучи в Иране, узнал, что «туда прибыли представители» кавказских правителей, подданных России. Он также отмечал, что персы распространяют слухи о том, что «эти ханства будут возвращены Россией» (АВПРИ. СПб. Гл. архив. 1–7. Оп. 8. 1817–1818 гг. Д. 1. Папка 9. Л. 96, 100).

10 июля следующего года ген. Ермолов докладывал в Петербург, что Аббас-Мирза уговаривает кавказских владетелей склониться на сторону Персии и возбуждает их против русских (АКАК. 1878. С. 178–179). Персидским правительством были отпущены и деньги для организации антироссийских выступлений на Северо-Восточном Кавказе, в частности в Дагестане. Так, по сведениям русских резидентов, 5 сентября 1818 г. в Ширван прибыл племянник шахского визира с предложением местному правителю от имени иранского шаха 150 тыс. туманов, чтобы тот взбунтовал «против России весь Дагестан» (АКАК. 1878. С. 97–98). Узнав о приезде в Ширван иранского эмиссара, Сурхай-хан Казикумухский и Ших-Али-хан Дербентский отправили туда делегацию в составе 50 акушинцев и 30 цудахарцев, где шахский посланник «им лично объявил волю шаха и ожидающие их награды». Тот же источник сообщал, что в «Дарго и Башлах все делают приготовления к войне вместе с Ахмед-ханом Аварским и Адиль-ханом, уцмием Каракайт-га» (АКАК. 1878. С. 304, 731, 795–796).

27 мая 1819 г. ген. А.П. Ермолов сообщал российскому правительству, что Аббас-Мирза «принял недавно весьма благосклонно посланцев горских народов». Кроме того, тот «посредством ханов наших пересылает в Дагестан» деньги Ахмед-хану Аварскому и Ших-Али-хану Дербентскому (АКАК. 1878. С. 6, 9).

В 1818 г. Ахмед-хан Аварский напал на русский отряд и занял с. Башлы. Вскоре ген. Ермолов со значительными силами двинулся против него и разбил его войско, а также сжег Дженгутай.

Весной 1819 г. российские войска нанесли поражение Сурхай-хану. В сентябре того же года были рассеяны отряды Ахмед-хана Аварского у р. Сулак (Койсу). Затем ген. А.П. Ермолов пошел в Тарки. Тарковский шамхал оставался верным России. Сурхай-хан и Ших-Али-хан, получив от иранского шаха крупную сумму, подстрекали акушинцев против русских. Акушинцы оказали сопротивление российским войскам, но были разбиты. В декабре 1819 г. казикумухский владетель Сурхай-хан совершил нападение на Чирахский пост (История народов Северного Кавказа... 1988. С. 36–37).

В начале января 1820 г. российские войска заняли Акушу, где вновь была принята присяга на российское подданство. Сурхай-хан бежал и российскими властями был навсегда лишен ханства, а вместо него правителем Казикумухского ханства был провозглашен Аслан-хан (*Дубровин Н.Ф.*, 1871. С. 440–446).

Враждебную позицию по отношению к России занимала и Османская империя. Натравливая дагестанцев против России, османы в то же время провоцировали их на набеги на Грузию. Российские дипломаты часто выражали недовольство подстрекательством и финансированием Портой диверсий дагестанцев на Грузию (АКАК. 1878. С. 408–412.). Следует отметить, что в этот период взаимоотношения турок с Россией осложнялись также из-за персидско-османской войны 1821–1823 гг. (*Шеремет В.И.*, 1975. С. 13). Петербург оказывал поддержку Персии, предоставив ей выгодный заем для закупки вооружения (АВПРИ. СПб. Гл. архив. 1–9. Оп. 8. 1817–1842 гг. Д. 6. Л. 40–41). После перенесенных потрясений в 1818–1820 гг. в Дагестане наблюдается какое-то временное затишье. Разумеется, это было относительное затишье. «Сим довершено, – сообщал в июле 1820 г. ген. Ермолов Александру I, начатое в 1819 г. покорение Дагестана, и страна сия, гордая, воинственная и в первый раз покорствующая пала к стопам Е.И.В.» (АКАК. 1878. С. 7).

Следует отметить, что заявление ген. Ермолова не соответствовало действительности. Некоторые владетели и сельские общества Дагестана в течение 1820–1822 гг. продолжали совершать набеги на Грузию (АКАК. 1878. С. 8).

Весной 1819 г. российские войска во главе с Ермоловым нанесли поражение казикумухскому владетелю Сурхай-хану у р. Сулак. Затем войска двинулись в Тарки. Тарковский шамхал оставался верным России. Казикумухский владетель Сурхай-хан и Ших-Али, бывший правитель Дербента, получив от персидского шаха крупную сумму, подстрекали акушинцев выступить против российских войск. Между тем акушинцы оказали сопротивление, но были разбиты российскими войсками. В декабре 1819 г. Сурхай-хан Казикумухский организовал нападение на Чирахский пост. В январе 1820 г. российские

войска заняли с. Акуша. Акушинцы приняли присягу на подданство России и выдали заложников. Сурхай-хан вынужден был бежать в Иран и вместо него правителем Казикумухского ханства стал Аслан-хан Кюринский. В 1820 г. ген. Ермолов упразднил Кайтагское уцмийство, а за беками стал наблюдать пристав (*Дубровин Н.Ф.*, 1887. С. 440–445).

1822 г. стал тяжелым для сторонников антироссийской борьбы в регионе – скончались руководители борьбы Ших-Али-хан и каракайтагский уцмий (АКАК. 1878. С. 17–19, 74–75, 264). Осенью того же года аварский хан распространил слух о якобы объявленной войне Портой России и о намерении султана отправить войска на помощь Дагестану (АКАК. 1878. С. 171). Между тем Сурхай-хан Казикумухский, проживая в Персии, поддерживал связь со своими сторонниками в Дагестане. Весной 1823 г., когда начались волнения в регионе, он вновь прибыл в Дагестан (АКАК. 1878. С. 17–19, 47). Летом 1823г. обостряется ситуация в шамхальстве Тарковском и бывшем Мехтулинском ханстве. Центром антироссийского выступления становится Тарки, а руководителем восстания зять шамхала Умалат-бек. Всего на стороне восставших было около 10 тыс. человек. В ходе нескольких столкновений с российскими войсками дагестанские ополченцы потерпели поражение (АКАК. 1878. С. 506–510).

Рассматривая причину новой волны антироссийских выступлений в Дагестане в 1824–1826 гг., нужно отметить, что немалую роль здесь сыграл ген. Ермолов, запретивший местному населению паломничество в Мекку (АКАК. 1878. С. 481). Кроме того, на эти события определенную роль оказало обострение международной обстановки: осложнились российско-османские и российско-персидские отношения. В этих условиях Порта и Персия с надеждой следили «за распространением мюридизма..., ведущей идеей которого стала идея всеобщего восстания кавказских мусульман под лозунгом «священной войны» против России» (*Фадеев А.В.*, 1963. С. 328).

Однако следует отметить, что антироссийские выступления в 20-х гг. XIX в. в регионе носили локальный характер и были слабо организованы. Антироссийские выступления начались в Чечне и Засулакской Кумыкии. В Чечне в 1824 г. поднял восстание Бейбулат Таймазов. При нем находился мулла Магомед. Летом 1825 г. по приглашению Бейбулата к нему прибыли из Дагестана 300 чел. во главе с гумбетовским кадием Дибир-Али (*Волконский Н.А.*, 1886. Т. X. С. 98–103.). В итоге повстанцам удалось захватить российское укрепление Амир-Аджи-юрт и заблокировать гарнизон в Герзель-ауле (*Потто В.*, 1887. Вып. 1. С. 114–115). Вскоре к ним присоединилось до 300 аксаевцев (*Записки А.П. Ермолова.* 1865. С. 172–173).

Несмотря на поддержку Бейбулата Таймазова восставшими из Дагестана (в его отряде находилось до 500 чел.), его силы в начале 1826 г. распались. Сам он был вынужден бежать на Северо-Западный Кавказ, в Анапу, под защиту турецких властей (*Волконский Н.А.*, Т. X. С. 191–192).

Таким образом, эти факты показывают локальный характер антироссийских выступлений в регионе в середине 20-х гг. XIX в.

Как и ранее, возбуждал против России и шахский Иран. Так, еще в 1824 г. российское командование на Кавказе арестовало людей Ших-Али-хана, которые вели осенью (в сентябре – октябре) антироссийскую агитацию в Южном Дагестане (АКАК. 1878. С. 111). В сентябре ген. А.П. Ермолов сообщил из Дагестана в Петербург, что Аббас-Мирза возбуждает против России дагестанцев через Гасан-хана, «брата эриванского сердара» (АКАК. 1878. С. 324). Еще ранее, в июле 1825 г., ген. Ермолов предписал окружному начальнику Граббе предпринять определенные меры. Вскоре Граббе с русским отрядом расположился в Траках, держал под угрозой Мехтули, Акуша и Койсубу. Однако некоторые жители селений Карабудахкента, Губдена, Казанища, Эрпели, Ишкарты были возбуждены после событий в Засулакской Кумыки (расстрел в июле 1825 г. аксаевцев в Герзель-ауле российскими войсками с ген. Лисаневичем). Как известно, в этих событиях ген. Лисаневич и ген. Греков были убиты. Из 300 аксаевцев немногим удалось спастись. Волнения произошли в Кайтаге и Табасаране (АКАК. 1878. С. 51–52, 70–71). Следует отметить, что эти антироссийские выступления не вылились в крупные восстания и носили

локальный характер. Однако в некоторых районах Дагестана обстановка оставалась напряженной. Распространялись слухи о войне с шахским Ираном и Портой (*Потто В.* 1887. Вып. 2. С. 328). Сложной была обстановка в Салатавии, где находился Амалат-бек, претендент на шамхальский престол. 3 октября 1825 г. ген. Ермолов прибыл с отрядом в крепость Бурную. Однако до приезда ген. Ермолова обстановка в регионе стабилизировалась. Мехтулинцы успокоились, койсубулинцы «выгнали из своего общества» Амалат-бека (*Потто В.*, 1887. Вып. 2. С. 328).

Следует отметить, что не всегда политика ген. Ермолова была прямолинейной, порой она была и гибкой. Так, проявлением «ласкания» в политике ген. Ермолова было сложение на год (с 1 сентября 1824 по 1825 гг.) «подати даргинцев», которые обязаны были ежегодно платить подать России по 2 тыс. овец (АКАК. 1878. С. 86). В 1824 г. российское подданство приняли общества Дагестана – сс. Дарья, Уцари, Шарви, Гагра, Абданка и Сана-Кара (АКАК. 1878. С. 69).

Таким образом, анализ событий в Дагестане в первой пол. 20-х гг. XIX в. свидетельствует, что Персия и Порта, недовольные результатами Гюлистанского и Бухарестского мирных договоров, вынашивали планы реванша в регионе. Следует отметить, что экспансионистские замыслы шаха и султана в отношении Кавказа поддерживались Англией и Францией.

Нужно указать, что в осложнении международной обстановки на Северном Кавказе, в частности в Дагестане, была повинна и царская Россия, отказавшаяся от политики «ласкания» местных народов. Антироссийские происки шахского Ирана и Османской империи в регионе совпали по времени с началом национально-освободительных выступлений на Северо-Восточном Кавказе, в частности в Дагестане.

Смерть императора Александра I и события междоусобия осложнили положение главнокомандующего на Кавказе ген. А.П. Ермолова.

Российское правительство опасалось, что твердая позиция А.П. Ермолова по вопросу о границах может ускорить войну с Персией, и главное внимание уделяло отношениям с Портой. Рескрипт Николая I на имя Ермолова от 31 января (12 февраля) 1826 г. указывал, что «ныне, когда почти все горские народы в явном против нас возмущении, когда дела в Европе, а особливо дела с Турциею, по важности своей заслуживают внимательнейшего наблюдения, неблагоприятно было бы помышлять о разрыве с персиянами и умножать взаимные неудовольствия. Напротив того, мы должны всемерно стараться прекратить взаимные распри и уверить их в искренности желания нашего утвердить мирные с ними связи» (История народов Северного Кавказа... 1988. С. 41–42).

Император Николай I не верил предостережениям ген. Ермолова о скором нападении шахского Ирана, что оказалось серьезным просчетом российского правительства.

В Персии велись усиленные приготовления к новой войне с Россией. Наследник Фетх-Али-хана – Аббас-Мирза надеялся, что в Дагестане вспыхнет всеобщее восстание против русских. В войсках шаха было немало английских офицеров и инструкторов, а также английского оружия. Между тем, российские войска оставались разбросанными и не готовыми к отражению внезапного нападения персов (История народов Северного Кавказа... 1988. С. 41–42).

Рассчитывая на поддержку Лондона, шахский Иран объявил о расторжении Гюлистанского договора 1813 г. Для урегулирования назревшего конфликта весной 1826 г. российское правительство отправило в Тегеран своего посла А.С. Меньшикова для переговоров о границах.

По прибытии в Персию российский посол был посажен под стражу. А в июле 1826г. многочисленная армия персов во главе с Аббас-Мирзой без объявления войны вторглась в российские владения в Карабахе (История народов Северного Кавказа... 1988. С. 42). Война для России была неожиданной и поэтому началась неудачно. Изгнанные некоторые бывшие дагестанские владельцы намеревались восстановить свою власть с помощью персидских войск. Так, в Казикумух направился беглый Сурхай-хан Казикумухский. По пути в Казикумух он призывал джарцев и табасаранцев оказать ему

помощь в борьбе против России (АКАК. 1881. С. 511). Следует отметить, что в Дагестане заметных антироссийских выступлений не было. Правда, жители некоторых табасаранских магалов были возбуждены майсумом Кыхлар-Кули-беком. Вскоре виновники были арестованы и сосланы в Астрахань и выступления прекратились (АКАК. 1878. С. 102). Кроме того, в самом начале российско-персидской войны жители Эрпели, Караная и Ишкарты возмутились против шамхала Мехти. Повстанцы приняли к себе зятя шамхала Умалат-бека, но потом «по настоянию жителей Кумуха, Мехтули, Дарго и Койсубу, оказались от него, тот бежал в Нуху...», – писал шамхал Мехти (Кавказский сборник. Т. XI. С. 183–184). Тем не менее по отношению к повстанцам были приняты жесткие меры. Руководители антироссийского выступления были арестованы и сосланы за пределы региона. Жители этих сел также дали заложников. Правящие круги Персии надеялись на поддержку проирански настроенных правителей Северного Кавказа, прежде всего Дагестана, а также определенной части мусульманского духовенства. (АКАК. 1878. С.349–350).

Однако Сурхай-хану, Умалат-беку и другим сепаратистским местным владетелям не удалось поднять в целом местные народы на «священную» войну. Так, в письме шамхала Тарковского А.П. Ермолову в конце сентября 1826 г. говорилось: «Все жители Акуши, Дарго, Койсубу и всех вообще кумыкских магалов пребывают непоколебимо верны российскому правительству» (АКАК. 1878. С. 324–349). За участие в войне против шахского Ирана некоторые местные владетели были отмечены российскими наградами. Так, тарковский шамхал и Арслан-хан Казикумухский были награждены орденами (АКАК. 1881. С. 505).

Таким образом, иранскому шаху не удалось поднять народы Дагестана против России. Кроме того, дагестанцы сами изъявили желание участвовать в войне против Персии на стороне России. Так, в сентябре 1826 г. старшина общества Картахи Курбан обратился с письмом к российскому командованию, где он изъявил желание участвовать в войне с персами «со своим отрядом» (АКАК. 1878. С. 372).

В такой обстановке антироссийски настроенные владетели Дагестана (Сурхай-хан, Нох-хан и др.) оказались в меньшинстве, лишившись поддержки со стороны большинства населения Дагестана. Поэтому при первом столкновении с дагестанской милицией во главе с Аслан-ханом Сурхай-хан Казикумухский потерпел поражение. После этого последний со своими сторонниками вынужден был перебраться в Джаро-Белоканы, где продолжал призывать дагестанцев воевать против России (АКАК. 1878. С. 48).

После приезда Сурхай-хана Казикумухского в Джары активизировалась деятельность антироссийски настроенных кевхов. Они с угрозой потребовали от елисейского владетеля участвовать в борьбе против России. После отказа им елисейского султана отряды джарцев совершили несколько нападений на владения султана и на российские военные посты. Тогда же в Джарах было распространено воззвание Аббас-Мирзы дагестанцам, где предписывалось им «действовать заодно с джарцами». 10 августа 1826 г. джарцы вместе с дагестанцами напали на российский пост Карачач. Кроме того, было сожжено одно село елисейского владетеля (АКАК. 1878. С. 386, 393). Обстановка в Джаро-Белоканах стала накаляться. Однако победа российских войск в Шамхоре в начале сентября 1826 г. изменила положение дел. Джарцы не решились на антироссийские выступления. Тогда же скончался Сурхай-хан Казикумухский.

13 (25) сентября между российскими войсками и армией Аббас-Мирзы под Елисаветполем разыгралось решающее сражение, в ходе которого иранские войска во главе с Аббас-Мирзой обратились в паническое бегство.

Между тем шахские эмиссары продолжали агитировать население Дагестана против России. Антироссийская пропаганда велась под завесой ислама. Так, в конце 1826 г. Нох-хан явился в Табасаран. Он вместе с Заалом, сыном Абдулла-бека Ерсинского, развернул активную агитацию среди местного населения. Подстрекаемые ими беки Табасарана стали совершать набеги на российский транспорт, следовавший от Самура до Дербента. Вскоре для усмирения табасаранцев был направлен российский отряд под командованием подполковника Дистерло и основное население нижнего Табасарана приняло присягу

на верность России. После ухода российского отряда из Табасарана в январе 1827 г. Нох-хан пустил здесь слух, что российские войска разбиты иранцами и лишены возможности повлиять на Дагестан. Кроме того, Нох-хан стал вести антироссийскую агитацию среди аварцев и других жителей Нагорного Дагестана. Весной 1827 г. (апрель) Нох-хан собрался отправиться в Каракайтаг через Кубачи для разорения пророссийски настроенных жителей терекемейских сел, но его намерения не были осуществлены, так как навстречу им выступил Аслан-хан со своей милицией. Нох-хан вместе со своими сторонниками вынужден был уйти в Аварию. В августе 1827 г. весь Табасаран принял подданство России (Джахиев Г.А., 1991. С. 55).

Между тем в Дагестан из Персии прибыл зять тарковского шамхала Умалат-бек с 12 тыс. туманов (120 тыс. руб.) от Аббас-Мирзы для найма дагестанских ополченцев. Умалат-бек и Нох-хан распространяли среди местного населения воззвание шаха с призывом «стараться возжечь огонь войны против русских» (Кавказский сборник Т. XI. С. 70–78, 80–82).

Однако известия о победах российских войск над персами положили конец колебаниям в Нагорном Дагестане. Так, джарцы отказались участвовать в антироссийских выступлениях. 35 семей гумбетовцев приняли подданство России. Жители Карахского общества вынудили Нох-хана покинуть пределы своего общества (Кавказский сборник. Т. XI. С. 88, 92). Вскоре сюргинцы примирились с русскими, а Заал, сын Абдулла-бека Ерсинского, просил прощения у российских властей (Джахиев Г.А., 1991. С. 56).

На протяжении всей российско-персидской войны 1826–1828 гг. Порты поддерживала шаха. Османы держали у границы свои войска. Кроме того, султан продолжал провоцировать нападения дагестанцев на Грузию (АВПРИ. Ф. СПб. Гл. архив 1–9. Оп. 8. 1826–1828 гг. Д. 5. Л. 3). Таким образом, провокации Порты и усиленные приготовления османов свидетельствовали о том, что российско-османские отношения стали крайне напряженными (Кавказский сборник. Тифлис, 1901. Т. XV. С. 346).

Следует отметить, что неудача постигла шахский Иран и на фронтах военных действий. Выше уже отмечалось, что под Елисаветполем разыгралось решающее сражение, в ходе которого шахская армия обратилась в паническое бегство. Когда российские войска возобновили наступление на Тегеран, иранское правительство вынуждено было пойти на переговоры о мире. Английская и турецкая дипломатия приложила все усилия, чтобы сорвать российско-иранские переговоры (АКАК. 1881. С. 571–572).

Закулисной игрой Лондона и Стамбула персы были доведены до того, что шах, собрав свои последние резервы, готовился к продолжению войны. Шах также обратился к мусульманам Кавказа с призывом к священной войне против неверных (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4338. Ч. 1. Л. 1).

В этих условиях, как докладывал ведущий переговоры с Ираном со стороны России И.Ф. Паскевич, их продолжение «с персиянами становятся час от часу сомнительными» (АКАК. 1881. С. 583). После указания из Петербурга ген. И.Ф. Паскевич возобновил военные действия против персов, и не встречая нигде серьезного сопротивления, овладел г. Ардебилем (АКАК. 1881. С. 584). Полный военный разгром вынудил шахский Иран согласиться на все требования российского правительства (АКАК. 1878. С. 571, 590).

Следует отметить, что сам ген. И.Ф. Паскевич также хотел скорейшего заключения мира с Персией, ибо был обеспокоен перспективной войны на два фронта (с Портой) (Фадеев А.В. 1960. С. 177). 22 февраля (5 марта) 1828 г. был подписан Туркманчайский мирный договор. Он подтверждал все условия Гюлистанского мирного договора 1813 г. По мирному трактату к России отходили ханства Эриванское и Нахичеванское. Иран гарантировал свободу российской торговли на Каспии и исключительное право России иметь на Каспийском море военный флот.

Итоги войны 1826–1828 гг. с шахским Ираном имели положительное значение для Северо-Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана. Исход войны вел к дальнейшему упрочению положения России во всем Северо-Кавказском регионе.

Заключение мира с шахским Ираном изменило политическую и стратегическую обстановку на Северном Кавказе в пользу России и позволило ей начать русско-османскую войну 1828 - 1829 гг. (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 477. Л. 3).

С началом русско-османской войны султанские эмиссары побывали во всех уголках Северного Кавказа. Так, турецкий сераскер (сераскер – по турецки, командующий группой войск. – Авт.), отправленный с судном к берегам Кавказа для доставки местным народам товаров и боеприпасов, обратился от имени Порты с воззванием «ко всем по вере братьям, живущим в Дагестане и Ширване». Османский сераскер, обвиняя Петербург как единственного, кто нарушил мир, подчеркивал: русские «устремилась на всеобщее истребление мухаммедан». Поэтому всем мусульманам, указывал сераскер, «по воле халифа надлежит истребить неверных...» (АКАК. 1881. С. 753). Кроме того, анапский паша связался с местными народами не только Северо-Западного, но и Северо-Восточного Кавказа. «Волнуя против России закубанские народы, – отмечал современник, – паша не забыл и о Дагестане...» (АКАК. 1881. С. 753).

Разумеется, Россия и Османская империя старались склонить на свою сторону северокавказские народы. Предвидя намерения османов, российское правительство с началом войны стремилось парализовать действия султанской агентуры политикой «ласканий». Так, начальнику левого фланга Кавказской линии ген.-м. Эммануэлю правительство предписало, что с местными народами «государь желал бы иметь обращение самое дружелюбное» (*Щербина Ф.А.*, 1910. Т. 2. С. 248). Однако на деле царские генералы мало соблюдали указания российского правительства.

О планах османов поднять народы региона на антирусские выступления вскоре стало известно кавказскому командованию после захвата Карса. В руки русских попали военные документы. В июле 1828 г. об этом И.Ф. Паскевич докладывал Нессельроде: «Обширный план нападения на Россию, были намерены упредить русских, но не успели». Османы предполагали «совершить глубокий рейд по тылам русской армии, вторгаться в пределы 30-тыс. войском и возмущать против русских мусульманские народы». Порта по своему плану, рассеяв российские войска, дислоцированные на границе, хотела «произвести потом общее восстание против нас всех мусульман в Дагестане, присоединенных от Персии к провинциям Грузии и простирало виды свои даже на овладение Тифлисом...» (АКАК. 1881. С. 743). Но не получилось сбыться планам османов. Ген. И.Ф. Паскевич писал, что «в прочих областях наших совершенно спокойно. Джарские лезгины, несколько колебавшиеся, дали новых аманатов; в Дагестане не замечено никаких скопищ» (АКАК. 1881. С. 783–784). Вот почему Порта особое внимание уделяла региону. Султан и эрзерумский сераскер не раз посылали своих эмиссаров с фирманами и воззваниями в Дагестан. Так, в начале русско-османской войны султан Махмуд II специально обратился с фирманом к народам Дагестана. В фирмане султана Россия обвинялась в «нарушении договоров», что она «различными коварствами, ухищрениями простирает свою власть на Дагестан» и другие области Кавказа. Поэтому, указывает турецкий султан, все «правоверные от 12-ти до 70-ти лет должны объявить священную войну» против России. В Дагестане было получено и воззвание эрзерумского сераскера, где говорилось: «Если сераскер получит сведения о выступлениях дагестанцев на «священную войну», то он отправит им «много халатов, казны в дары»» (АКАК. 1881. С. 506–507). Следует отметить, что аналогичные письма не раз получали народы Дагестан на протяжении русско-османской войны 1828–1829 гг. (АКАК. 1881. С. 879–880; Кавказский сборник. Т. XI. С. 94–95).

Однако народы Дагестана «крайне недружелюбно» встречали эмиссаров Порты. Так, османская пропаганда в Засулакской Кумыкии встретила «отпор в лице большинства старой кумыкской аристократии» (*Потто В.* Вып. 2. С. 273.). Народы плоскогорного и предгорного Дагестана сохранили спокойствие. Так, русские разведчики, посланные в регион в марте 1828 г., отмечали, что «ни в каком обществе явных приготовлений к войне незаметно» (Кавказский сборник. Т. XI. С. 94).

Однако нужно отметить, что призывы Нох-хана, муллы Магомета, Умалат-бека и других встречали сочувствие только у той части дагестанских владетелей, которые в той

или иной степени были недовольны действиями русских властей на Кавказе. Так, сын Абдулла-бека Ерсинского Заал, уцмий Байбал-бек и некоторые другие благосклонно относились к антироссийской пропаганде. Но весной 1828 г. (май) сын бывшего табасаранского майсума сам явился к российской администрации на Кавказе с просьбой о помиловании, а уцмий отказался от их поддержки (Кавказский сборник. Т. XI. С. 94).

После неудачи Нох-хана, Умалат-бека и других в пропаганде своих антироссийских призывов среди населения плоскостного и предгорного Дагестана они перенесли свои действия в Нагорный Дагестан. В Аварии они раздавали деньги и ценные подарки, привезенные из Анапы Нох-шахом (Кавказский сборник. Т. XI. С. 95). Но обстановка вскоре здесь изменилась. Несмотря на противодействия Нох-хана, Умалат-бека и других, ханша Баху-бике, вдова Султан Ахмед-хана решила принять подданство России. 9 сентября 1828 г. Баху-бике приняла присягу на российское подданство (Кавказский сборник. Т. XI. С. 100–103).

Что касается Джаро-Белокан, то в начале русско-османской войны часть местного населения была охвачена брожением. Здесь были распространены султанские воззвания.

Следует отметить, что антироссийские выступления не поддержало большинство населения Джаро-Белокан, пророссийски настроенных. 10 июля 1828 г. ген. И.Ф. Паскевич сообщал в Петербург, что джарцы, колебавшие горцев Дагестана, дали новых заложников в знак лояльности к России, в «Дагестане не замечено никаких скопищ» (АКАК. 1881. С. 753–754). Кроме того, 7 февраля следующего года ген. И.Ф. Паскевич докладывал российскому правительству, что г.-м. Раевский без применения оружия урегулировал спорные вопросы с джарскими лезгинами (*Джахиев Г.А.*, 1991. С. 64). Однако следует отметить, что не все было спокойно в Джаро-Белоканах. Летом 1829 г. джарцы несколько раз совершили нападения на российские посты в Кахетии. На требование российских властей вернуть пленных, возместить ущерб джарцы отказывались. Русское командование ожидало окончания русско-османской войны для организации военной экспедиции в Джары.

Между тем в 1828–1829 гг. приняли подданство России такие сельские общества Дагестана, как Андалальское, Каратинское, Канучинское, Гавадинские и др. (Кавказский сборник. Т. XI. С. 133). Кроме того, Сурхай-хан Аварский привел в российское подданство «никогда еще не изъявившие желание нам покориться общества: Шаталинское, Ханузское, Тунгульское, Чарахское, Решнулинское и другие» (Кавказский сборник. Т. XI. С. 138).

Однако, несмотря на внешнее спокойствие в Дагестане, в глубине народных масс набирал силу протест против усиливающегося угнетения и произвола местных владельцев, репрессий российских властей. Так, в 1828 г. в Эрпели, Казанище, Буйнакске и в других селах происходили волнения. Российские власти объясняли это «притеснением самого шамхала, а шамхал – земскими поборами» (Кавказский сборник. Т. XI. С. 101–104).

Следует отметить, что Персия во время русско-османской войны 1828–1829 гг. соблюдала нейтралитет, несмотря на происки Лондона и Стамбула (АКАК. 1881. С. 602–603, 623). В мае 1828 г. ген. И.Ф. Паскевич сообщал, что хотя Лондон сохраняет дружественный союз с Петербургом, «но в газетах оппозиционная партия атакует министров за неискренность их партий» (АКАК. 1881. С. 628). Говоря о переменах в позиции Аббас-Мирзы, российский консул в Персии отмечал, что если персы выступят на стороне османов, «то сие без сомнения должно будет приписано англичанам, которые в настоящее время при персидском дворе в Тавризе и Тегеране имеют величайшее влияние» (АКАК. 1881. С. 625). Действительно Лондон энергично старался создать антироссийский союз между шахским Ираном и султанской Турцией (*Фадеев А.В.*, 1960. С. 281–282).

В «Известиях из Константинополя» от 19 марта 1829 г. сообщалось, что на предложение Порты возобновить войну с Россией Аббас-Мирза ответил: «Сейчас Персия в союзе с Россией, но если турки возьмут обратно завоеванные у них русскими крепости и возвратят Персии сумму, оплаченную ею России, тогда Аббас-Мирза посмотрит, на что решиться» (*Джахиев Г.А.*, 1991. С. 65–66).

Однако последующие события чуть не привели к ирано-турецкому союзу. Так, в конце 1828 г. и начале 1829 г. в Иран прибыл посланник султана Таиб-эфенди, который за поддержку Персией Порты в войне обещал возместить уплаченную им России контри-

буцию и вернуть утраченные шахскими Ираном территории по Туркманчайскому мирному договору 1828 г. В то время в Стамбуле находился посланник шаха Мехмед-Шериф Ширвани, которого склоняло к тому османское правительство. Шахский Иран, опасаясь за последствия убийства в Тегеране 30 января (11 февраля) 1829 г. российского посланника А.С. Грибоедова, соглашался заключить военный союз с Портой. Но Петербург, не желая обострения отношений с Персией, пошел на урегулирование вопроса, связанного с убийством А.С. Грибоедова. Таким образом, безуспешно закончилась попытка султанской дипломатии склонить на свою сторону Персию (*Шеремет В.И.*, 1975. С. 204). Несмотря на интриги английской и османской дипломатии, ухудшение российско-иранских отношений не произошло (АКАК. 1881. С. 702–747). На шахский Иран отрезвляюще подействовали и успехи российских войск на Кавказе. Кроме того, военные действия против России также не принесли успеха османам. Войсками Кавказского корпуса при помощи черноморского флота в июне 1828 г. были взяты Анапа, а затем Карс, Баязет, Ахалкалаки, Ахалцих (Кавказский сборник. Т. XV. С. 381–392).

В конце февраля султанские войска перешли в контрнаступление и окружили Ахалцих, занятый российскими войсками, но взять крепость османам не смогли. Летом 1829 г. (27 июля) российские войска овладели важным турецким центром – г. Эрзерумом (АКАК. 1881. С. 792–799).

Следует отметить, что российским войскам помощь оказывали северокавказские народы, в том числе и дагестанские (АКАК. 1881. С. 813). Командование российских войск не раз отмечало героизм мусульманской милиции. Ген. И.Ф. Паскевич, восхищаясь отвагой и храбростью кавказцев докладывал Николаю I: «Не должен умолчать о похвальном усердии к службе мусульманских полков, службою их я совершенно доволен. Во всех сражениях они дрались отлично, храбро, в атаках были всегда впереди, бросались даже мужественно и твердо на неприятельскую пехоту, большая часть пушек, знамен и пленных отбиты ими» (АКАК. 1881. С. 79).

Между тем в 1829 г. российские войска на Южном Кавказе взяли Эрзерум, а 20 августа на европейском театре военных действий войска ген. Дибича овладели Андрианополем и создали серьезную угрозу Стамбулу. Значительное участие в победоносном завершении войны принимали и северокавказские народы. Их моральная и материальная поддержка помогла российской армии одержать победы во всех сражениях. Как уже отмечалось выше, главнокомандующий на Кавказе не раз подчеркивал отличие в службе и храбрость мусульманской милиции и полков на завершающем этапе войны (АКАК. 1881. С. 79, 813). 22 августа (2 сентября) в Андрианополе между Россией и Османской империей без вмешательства европейских государств был подписан мирный договор. По Андрианопольскому договору султанская Турция уступила России на Кавказе все восточное побережье Черного моря от Анапы до порта Св. Николая (*Алексеева Е.П., Калмыков И.Х., Невская В.П.*, 1957. С. 135). Признание султаном Северо-Западного Кавказа «вечным владением Российской империи» в результате Андрианопольского договора означало превращение Закубанья в часть России, а проживающие там местные народы вступили в российское подданство (*Алексеева Е.П., Калмыков И.Х., Невская В.П.*, 1957. С. 135).

Турция также признавала присоединение к России Дагестана и других областей Кавказа согласно Гюлистанскому 1813 г. и Туркманчайскому 1828 г. договорам.

Таким образом, завершился процесс присоединения к Российской империи северокавказских народов, исключая народы Нагорного Дагестана, Чечни и части Адыгеи. Российской администрации еще не удалось полностью и повсеместно установить свою административную власть в регионе. Поэтому Туркманчайский и Андрианопольский мирные договоры создали предпосылки для окончательного присоединения к России народов Северного Кавказа.

БИБЛИОГРАФИЯ

АВПРИ. Ф. СПб. Гл. архив. 1–7. Оп. 8. 1818 г. Д. 2.

- АВПРИ. Ф. СПб. Гл. архив. 1–7. Оп. 8. 1817–1818 гг. Д. 1. Папка 9.
- АВПРИ. Ф. СПб. Гл. архив. 1–9. Оп. 8. 1826–1828 гг. Д. 5.
- АВПРИ. Ф. СПб. Гл. архив. 1–9. Оп. 8. 1817–1842 гг. Д. 6.
- АКАК. Тифлис, 1875. Т. 5. Ч. 2.; 1878. Т. 6. Ч. 1–2; 1881. Т. 7.
- Алкадари Г.-Э.*, 1994. Асари – Дагестан. Махачкала.
- Алексеева Е.П., Калмыков И.Х., Невская В.П.*, 1957. Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск.
- Волконский Н.А.*, 1886. Войска на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. // Кавказский сборник. Тифлис. Т. X.
- Джахиев Г.А.*, 1991. Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813–1929 гг.). Махачкала.
- Дубровин Н.Ф.*, 1887. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб. Т. 6. Ч. 1. Записки А.П. Ермолова. 1865. М. Ч. 2.
- Иоаннисян А.Р.*, 1958. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван.
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). 1988. М.
- Кавказский сборник. 1901. Тифлис. Т. XI; Т. XV.
- Потто В.*, 1887. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и библиографиях, Тифлис Т. 2. Вып. 1, 2.
- РГВИА. Ф. ВУА. Д.477.
- РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4338. Ч. 1.
- Фадеев А.В.*, 1960. Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX в. М.
- Фадеев А.В.*, 1963. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М.
- Щербина Ф.А.*, 1910. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар.
- Шеремет В.И.*, 1975. Турция и Андрианопольский мир 1829 г. М.